

О волшебстве и волшебнике

Борис Дмитриевич Панкин · вступительное слово · 1993

О ВОЛШЕБСТВЕ И ВОЛШЕБНИКЕ

С Рудольфом Хачатряном, – не с художником, естественно, а с человеком, персоной, – я впервые встретился в Лондоне, на художественной выставке. Увы, не его. Впрочем, почему увы? Такую скромную по объему экспозицию он мог здесь иметь и не одну. Но от предложений на этот счет он упрямо отказывался. Для настоящей же большой, всеобъемлющей выставки лондонцы, по философскому замечанию художника, еще не созрели. И не поймешь – всерьез он говорит или шутит. Тут – одна из неизбежных загадок Рудольфа Хачатряна. И скромность его – паче гордости. Его не смущает парадокс, дома – под домом он понимает и Ереван и Москву – его называют великим художником, в Лондоне его имя пока мало кому известно за пределами армянской и российской колоний. Он живет и творит словно впереди его 100-летие. И это действительно так, если иметь в виду его творчество.

Мне всегда казалось, что множество религий на Земле не опровержение, а, наоборот, подтверждение несомненного факта существования силы, которая превышает всего. Религия же – это гипотеза народов и этносов относительно этой высшей силы. Собственно, вся история духовной и материальной культуры человечества – всего лишь производная от неодолимой потребности разгадать тайну. В моем представлении, такова же природа искусства Хачатряна. Только предмет и направление его поиска – человек и человечество, что в конечном счете все равно приводит его к тем трансцендентальным загадкам бытия. Широта диапазона – от авангардизма 60-х к утонченному реализму одухотворенной фигуративности и снова – в царство абстракции; смена манер и периодов – не поиск своего стиля, – он с ним родился, – а лишь витки той спирали, по которой он взбирается к вершинам чувственного познания мира и самопознания.

Когда я был у него в доме, буквально оккупированном рамами, обтянутыми полотном, – только за три неполных лондонских года им создано около 300 работ, – у меня было ощущение, что тайна разгадана и разгадка затаилась в этом сонме полотен. Но я не мог в этом воочию убедиться, потому что повернуть лицом к посетителям одновременно можно было только несколько картин. Теперь, с открытием выставки в Москве, которую мастер так ожидал, появилась возможность увидеть все или почти все сразу.

Я предвкушаю эффект и завидую его соучастникам и очевидцам.

Борис Панкин